

Полевой Н. А. Толки о "Евгении Онегине", соч. А. С. Пушкина // Пушкин в прижизненной критике, 1820-1827 / Пушкинская комиссия Российской академии наук; Государственный пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге. - СПб: Государственный пушкинский театральный центр, 1996. - С. 271-275.

<http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/vpk/vpk-271-.htm>

Н. А. Полевой

Толки о "Евгении Онегине", соч. А. С. Пушкина

Прелесть нового творения Пушкина, несправедливость наших журналистов, которые, воздавая неумеренные похвалы своим содрузгам, с холодностью, мимоходом упомянули об издании "Онегина"¹; желание показать читателям, какими причинами можно оправдать издание одной песни "Онегина" и отвратить обвинения в подражании, чем укоряют *некоторые* критики, и словесно и печатно, нашего поэта², - вот что руководствовало мною, когда я писал небольшие, больше библиографические, нежели критические, замечания на "Онегина"! Расположение и слог моих замечаний доказывают, что я не сочинял полного и подробного разбора. Дозволив себе шутки насчет уклончивых критиков, я слегка упомянул о так называемой многими *романтической поэзии*, определил сочинение Пушкина, представляя в пример очерк живописца и особенный род музыкальных произведений, называемый *саргиссио*; наконец, говорил о содержании и красотах поэмы.

На мои замечания отвечал г. -въ строгими суждениями, в N 8 "Сына отечества", призывая на помощь математику и что-то доказывая, - *что-то*, повторяю: прочитав несколько раз статью г. -ва, я не мог добиться, чего он точно хочет.

Я благодарил бы его за некоторый род одобрения "Телеграфу", ибо другие журнальные критики без пощады бранят меня, и, читая их рецензии, право, можно подумать, что "Телеграф" хуже покойного "Журнала для милых"³. Г. -въ отдает "Телеграфу" справедливость, но в то же время не упускает заметить, что я хвалю Пушкина из корыстолюбивых видов, стараясь получить от него стихов, что я представляю Пушкина товарищем Байрона и проч. и проч. Да простит ему критика такие замечания и прибавки!

Пропустим мелочные привязки и коснемся того, что он называет *ошибками, которые могут распространять ложные понятия о Пушкине и вообще о поэзии*.

Г. -въ начинает восклицаниями: "Кто отказывает? кто не восхищался? кто не сознается (речь о Пушкине), что он *подарил* нашу *словесность* прелестными произведениями?" - Во-первых, *некоторые*, к счастью, *немногие*, думают о Пушкине совсем иначе⁴; во-вторых, принимаясь уличать другого в ошибках и распространении *ложных понятий*, не худо самому быть осторожнее. Г. -въ, например, *олицетворяет словесность отдельно* и заставляет Пушкина *дарить* ее прелестными *произведениями*! Обозначив поэмы и стихи Пушкина прилагательным *прелестные*, он совсем не выразил характера его творений и, забыв, что *творения Пушкина есть часть нашей словесности*, напомнил мне того русского прозаика, который, описывая шествие царя Михаила Федоровича в Москву, говорит, что *Москва выбежала к нему навстречу*, поставила трон с царем себе на голову и - *внесла в Кремль*!⁵

"Но для чего же *всегда* сравнивать его (Пушкина) с Байроном, с поэтом, который, *духом принадлежа не одной Англии, а нашему времени*, в пламенной душе своей *сосредоточил стремление целого века*, и если б мог изгладиться в истории частного рода поэзии, то вечно остался бы в летописях ума человеческого?" - Но для чего же обвинять меня в том, чего я никогда не говорил? Я выше сказал и опять честь имею повторить, что я *никогда не называл Пушкина равными Байрону* и не делал их общниками одинаковой славы! Для чего же опять назло грамматическому и логическому порядку сочинять период, в котором нет связи? - После слов "*принадлежа не одной Англии*", вероятно, г. -въ хотел сказать - *но целой Европе*, ибо Англия и время не могут быть равноположными понятиями. *Сосредоточить в душе своей стремление целого века* Байрону было также невозможно, ибо слово *целый* может относиться к слову *век* тогда, если мы примем его в смысле *столетия*. Г. -въ, верно, хотел сказать - "*соединил (или, положим, хоть сосредоточил) наклонность своего века*", и здесь можно бы понять, что Байрон был, так сказать, отпечаток *нынешнего времени*... - Наконец, из расположения слов "если б мог изгладиться... в истории поэзии, то остался бы в летописях ума" - выходит, что Байрон тогда только остался бы в летописях ума, когда изгладился бы в истории поэзии. Но история поэзии разве не часть летописей ума человеческого? Разве Тредьяковский может *изгладиться* в сих летописях? Никогда! Он будет в них как памятник стремления к поэзии без таланта⁶. История поэзии повторит *все имена*, только